

ИСТОРИЯ

УДК 94(3)

КАРТИНА ПОТУСТОРОННЕГО МИРА В «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ НАРОДА АНГЛОВ» БЕДЫ ДОСТОПОЧТЕННОГО

© 2020 г.

С.С. Голубева

Ивановский государственный университет, Иваново

sofya-golubeva@bk.ru

Поступила в редакцию 25.10.2020

Проанализированы общие черты в представлениях о загробном мире, нашедшие отражение в текстах видений VIII века. Помимо того, что все видения выполняли схожие функции, в них четко прослеживаются устойчивые концепты-образы, связанные с органами чувств: зрением, слухом и обонянием. Рассматривается вопрос, четко ли эти концепты относятся к картине либо Рая, либо преисподней, а также воссоздается картина потустороннего мира в сознании христианина VIII века.

Ключевые слова: церковная история, Беда Достопочтенный, загробный мир, англосаксонская культура, христианство.

Не секрет, что в последние десятилетия внимание историков все более привлекают вопросы, связанные с исследованием мировоззрения в традиционных обществах периода смены культурной парадигмы. Не в последнюю очередь это касается раннесредневековой Британии, где благодаря евангелизации формируется качественно новый взгляд на мир в целом и человека в частности. В то же время нельзя отрицать, что уже укоренившиеся представления не могли исчезнуть полностью – встречаясь, элементы различных культур неизбежно смешивались, создавая новое, своеобразное единство [1, с. 28].

В своей статье мы рассмотрим особенности представлений о загробном мире, сложившихся в англосаксонской культуре к VIII столетию и получивших свое отражение в различного рода видениях. Большая часть видений, рассказы о которых передавались изустно или включались в агиографические тексты, дошла до нас благодаря Бедо Достопочтенному и его «Церковной истории»¹. В этом монументальном сочинении, написанном в 730-х гг., среди описаний исторических деятелей и событий, подвигов святых можно выделить также 20 полноценных рассказов о чудесах, творимых праведниками, большинство из которых сопровождаются видениями.

Несмотря на то что «Церковная история» Беды изучалась с самых разных точек зрения [4; 5], внимание к рассказам о чудесах, в том числе о видениях, представляется явно недостаточным². Между тем изучение этих нарративных элементов может позволить историку ответить

как на вопросы, касающиеся мировоззрения самого Беды, его представлений о потустороннем мире и чудесах, о посмертном воздаянии, так и на вопросы о том, каким виделся потусторонний мир его ближайшим предшественникам и современникам.

Читая рассказы о видениях в средневековых литературных произведениях, мы должны исходить из того, что все они выполняют три основные функции – познавательную, дидактическую и развлекательную [9; 10, с. 23]. Познавательная функция рассказа о потустороннем мире заключалась в том, что средневековый человек, безусловно, интересовавшийся тем, что его ждет после смерти, восполнял это «знание» прежде всего из рассказов визионеров. Дидактическая функция была направлена на то, чтобы нетвердые в вере христиане или в силу слабости отклонявшиеся от пути праведной жизни, слушающие рассказы об ужасных пытках, которые претерпевают грешники в аду, пугались и стремились неукоснительно соблюдать заповеди Христовы. Объединяя первые две функции видений, Ф. Найске считает, что видения служат открытию сокровенных истин, подтверждению религиозных тезисов, выступают единственным способом проникнуть в тайны загробной жизни, а потому могут передать в реальный мир образы и идеи из мира умерших, основное же предназначение видений состоит в том, чтобы показать, какое наказание будет за тот или иной вид греха, а также каким образом можно очиститься перед переходом в загробный мир [11, S. 140].

Наконец, развлекательная функция видений реализовывалась в том, что необычные, полные красочных живых описаний, рассказы было интересно слушать, и миряне с удовольствием это делали. Действительно, нельзя не согласиться с тем, что бытовавшие в средневековом обществе рассказы о видениях делали потусторонний мир вполне реальным для слушателя.

В свою очередь, Ш. Роули полагает, что Беда, включая видения в исторический рассказ, преследует не только дидактические и развлекательные цели, но и иносказательно выражает свое отношение к пониманию истории. При кажущейся отрешенности видений от реальной истории в них выражено беспокойство о будущем нации. Ш. Роули пишет, что на примере одиночного путешествия в загробный мир Беда показывает историю всего английского народа, который не знает часа своего конца и своей судьбы [12, p. 168].

Все видения, описанные Бедой, можно условно разделить на более или менее подробные рассказы о путешествии визионера в загробный мир и на краткие упоминания видений. В «Церковной истории народа англвов» мы видим четыре развернутых рассказа о видениях: видения св. Фурсы (Beda. HE. 19, III), мужа по имени Дриктельм (Beda. HE. V, 12) и двух безмянных грешников (Beda. HE. V, 13–14). Анализ рассказа Беды Достопочтенного позволяет установить, что развернутые описания видений имеют схожую структуру – указание на чувство слабости, внезапно охватившее визионера, упоминание мнимой смерти, рассказ о путешествии по загробному миру, где визионер встречает души праведников и грешников, рассказ о получении знания, которое следует донести до живых, указание на возвращение в бренное тело. Душу визионера, попавшую в загробный мир, сопровождают ангелы: либо множество, как в видении св. Фурсы, либо один, как в видении Дриктельма, или два ангела и множество бесов, как в видении первого грешника (Beda. HE. V, 13). Путешествие сопровождается диалогом визионера с провожатыми. Жак Ле Гофф пишет, что «немые» видения были крайне редки, а слова являлись важной частью божьего послания [6, с. 325], и эти провожатые, очевидно, разъясняли визионеру увиденное и передавали то послание, которое он должен был сообщить, когда «воскреснет».

При изучении представлений о загробном мире, сложившихся в англосаксонском обществе и нашедших отражение в рассказах Беды Достопочтенного, нам так или иначе придется соприкоснуться с символическим мировоззрением, определявшим способ мышления средне-

векового человека [13, с. 7]. Причем понимание и истолкование символа может постоянно углубляться. Так, если в рассказе о том, как св. Фурса получил ожог от огня преисподней за то, что когда-то взял кое-что из одежды умершего грешника (Beda. HE. III, 19), обычно все внимание акцентировалось на возмездии за грех, то Ш. Роули предлагает задуматься над самой меткой ожога как над символом того, что Фурса больше не принадлежит сам себе [12, p. 167]. Пытаясь реконструировать представления о загробном мире, отраженные у Беды, мы остановимся на рассмотрении некоторых устойчивых для «видений» концептов. Именно эти концепты, так или иначе связанные с органами чувств человека, его зрением, слухом, обонянием, позволяют, на наш взгляд, увидеть, на каком уровне и как воспринималась принявшими христианство англосаксами посмертная судьба человека.

Из перечисленных выше концептов «видений» самым наглядным является, безусловно, свет, упоминания о котором неизменно сопровождают рассказ о посещении визионером потустороннего мира. Свет воспринимается, как правило, не сам по себе, а через цвет и различные цветовые оттенки. Так, в рассказе о видении св. Фурсы (Beda. HE. III, 19), где говорится о вознесении святого на небеса, а потом о знакомстве его с преисподней, Беда противопоставляет друг другу две части загробного мира с помощью различных характеристик света. Если небеса наполнены светом (лат. *lux*), то преисподняя связана с огнем (лат. *ignis*), который практически не дает света, отчего долина, в которой оказался визионер, характеризуется у Беды как «мрачная» или «темная» (лат. *valles tenebrosa*). Огонь или пламя (лат. *flamma*) сопровождает все описание путешествия в преисподнюю, он является источником страха и пугает Фурсу, это пламя вполне осязаемо и оставляет отметину на теле святого. В то же время оно преходяще, ангелы способны защитить праведника от него, не раз раздвигают его; в конце концов огонь гаснет. Основываясь на таком описании огня, можно предположить, что огонь в сознании средневекового христианина представлялся не как нейтральное явление природы, а как воплощение кары за грехи; а так как в качестве визионера выступает праведник, огонь гаснет.

Видение Дриктельма (Beda. HE. V, 12) дополняет образы из видения св. Фурсы, знакомя читателя с картиной потустороннего мира, явленной благочестивому мирянину. Попав в преддверье преисподней, Дриктельм оказывается перед долиной, где с одной стороны бушевало пламя, а с другой лежал снег. Визионер ока-

зывается окружен искрами и дымом (лат. *fauillarum cum fumo*) и вскоре понимает, что искры – это души грешников. В сознании читателя создается образ жара от сильного и при этом зловонного пламени (лат. *flamma tetrarum, incomparabilis foetor*), духоты от дыма, мельтешения ярких горячих искр. Контраст между преисподней и Небесами подчеркивают звуковые образы, созданные Бедой. Визионера окружает невероятный шум из брани и насмешек бесов (лат. *certamen, accusatio*) и плача причитающих (лат. *heiulantes*) грешников, которым предстоит навечно остаться в преисподней (лат. *sonitum inmanissimi fletus ac miserrimi* – «звук отвратительного жалкого плача»). Страдания душ только веселят врагов человеческого рода, они смеются (лат. *cachinnus*) и издают хохот и шум (лат. *crepitus*).

Попав на край самой преисподней, муж оказывается во тьме, которая его дурманит (лат. *obscurare*). Этот образ выступает в качестве метафоры земной жизни, где человек, одурманенный искушением бесов, духовно слеп. Напротив, ангелы и провожатый Дриктельма одеты в яркие, блестящие одежды (лат. *clarus indumento*), а во тьме неба разгорается звезда (лат. *stella micantis*), которая олицетворяет надежду на спасение. В Царстве Небесном Дриктельм видит источник ясного света (лат. *serena lux*). Беда показывает, что душа мирянина прозрела, разглядев звезду – Божью искру – на темном своде брэнного мира. Успокоение душе визионера приносит благословенная песнь (лат. *beatum carmen*) хора ангелов, которую он слышит, оказавшись в преддверии Царства Небесного, внутрь которого ему было нельзя войти. Ангелы восхваляют Всевышнего и истинное (лат. *merus*). Дриктельм чувствует аромат цветов и благоухание (лат. *flagrantia floscolorum*), которое исходит не только от растений, но и от красивых оборотов речи в пении ангелов. Подобная синестезия емко и живо рисует светлый образ Царства Небесного и ликования душ, попавших туда. Подобным примером, думается, Беда намекает на то, что отчасти познать радость Небес можно и на земле, через красоту и истину духовных речей.

Более короткие рассказы о видениях также дорисовывают картину потустороннего мира, добавляя некоторые детали. Так, в главе 13 пятой книги рассказывается, как к грешнику являются ангелы. Беда описывает их как двух прекраснейших юношей (лат. *duo pulcherrimi iuuenes*), одетых в белое, окруженных славой (лат. *albatu et praeclarus*). Они противопоставлены бесу с мрачным, темным лицом (лат. *obscuritate tenebrosae faciei*). Рассказ о следую-

щем грешнике (Beda. HE. V, 14) также дает нам несколько зрительных образов. Попав в преисподнюю, грешник видит там сатану и его приспешников, окруженных языками пламени (лат. *flammis ultricibus*). Беда снова разделяет свет физический и свет духовный, и потому мы встречаем противопоставление «свет и тьма» (лат. *lux et tenebrae*), и из контекста становится понятно, что монах имел в виду свет Рая и свет пламени преисподней. Интересно и то, что душа, по словам Беды, должна покинуть тело «в великом сиянии света» (лат. *cum magno lucis splendore*). В тексте не уточняется, что грешники и праведники покидают брэнный мир по-разному, а значит, сияния света, славы, хотя бы недолго, заслуживает каждая душа, так как она является, прежде всего, творением Бога.

Характерной особенностью видений является снятие границ между миром реальным и потусторонним, когда оба мира проникают друг в друга. Это становится особенно очевидно из рассказов Беды о видениях Эдвина (Beda. HE. II, 12) и Кэдмона (Beda. HE. IV, 24). Оба визионера находились в глубокой печали, когда им явились образы из потустороннего мира. При этом душа визионера не покидала тело, и он не сразу понимал, что перед ним стоит дух, а не человек. Видение короля Эдвина (Beda. HE. II, 12) произошло, когда он сидел в тяжелых раздумьях, «пожираемый, ослепленный внутренним огнем» (лат. *caeco carperetur igni*), в темной глухой ночи (лат. *intempesta nocte silentio*). В этом образе преисподняя проникает в реальный мир: затуманенный духовный взор видит лишь темный огонь волнения, и здесь, в дополнение того, что на земле можно познать радость Царства Небесного, читатель понимает, что и муки преисподней отчасти можно ощутить в брэнном мире – через отчаяние и страх.

Отдельно стоит сказать о видении монаха Кэдмона (Beda. HE. IV, 24). Кэдмон – один из первых древнеанглийских поэтов, и всё, что человечество от него унаследовало, – это Гимн, названный его честь. Из «Церковной истории народа англо» мы узнаём о неграмотном пастухе, лишённом слуха, певческого голоса и дара слагать стихи и играть на арфе. Однажды, когда Кэдмон спал, к нему подошёл некто и попросил спеть. Кэдмон отказывался, но незнакомец настаивал, и, к своему удивлению, пастух вдруг красивыми стихами спел Гимн о Первотворении, прославляющий Господа и повествующий о сотворении Им мира. После этого Кэдмон стал искусно сочинять стихи и стал монахом. Аббатиса монастыря Хильда и учёные монахи, перед которыми Кэдмон исполнил свои произведения, сочли случившееся чудом, а способно-

сти Кэдмона – Божьим даром. Данный рассказ по своей структуре соответствует другим видениям в книге: человеку во сне является Божий посланник, который наделяет его даром. Тем не менее душа визионера не покидает тело, а мы не можем судить, кем же на самом деле являлся этот незнакомец: Беда не только называет его пространственным местоимением «некто», но и не дает ему никакой характеристики. В других видениях являющиеся образы либо окружены сиянием, либо светятся белым светом, но в данном случае во всем рассказе мы не встречаем ни одной световой или цветовой номинации. Чем вызвано это отступление от визионерской традиции? Мы можем предположить, что Беда хотела, чтобы внимание читателя было полностью сконцентрировано на звуковых образах, которые он рисует, на содержании самого Гимна о Первотворении. Значимость и широкая распространенность поэтического творчества в древнеанглийском обществе отмечалась многими исследователями [7, с. 106; 14, с. 21], и свидетельство особого отношения к поэтическому творчеству мы находим в существительном *carmen*, которое означает «песня, стихотворение, пророчество, заклинание, текст закона». Гимн Кэдмона называется Бедой именно так, а не с помощью существительного *poeta* – «поэма, стихотворение», которое использовалось, когда речь шла о мирской поэзии, и это подчеркивает божественное происхождение таланта монаха и самого текста. Подаренный свыше Гимн околдовывает, завораживает слушателя.

Помимо концептов, рассмотренных нами выше, в рассказах часто говорится об образах умерших праведников, явившихся, чтобы оповестить человека о его скорой кончине или о кончине его близкого. Кроме того, святой мог являться, чтобы наставить смутившегося духом благочестивого человека на истинный путь. В главе 6 второй книги Беда говорит о том, как смутившемуся благочестивому человеку явился апостол Петр и бичевал его за слабость духа. В данном рассказе интересно то, что потусторонний мир через видение проникает в реальный мир: апостол Петр оставляет следы от бичевания на теле праведника, которые не исчезают, когда видение заканчивается, и это перекликается с отметиной от огня на теле св. Фурсы (Beda. HE. III, 19). Похожую ситуацию видим и в главе 19 книги I, где рассказывается о том, как св. Герману явился муж в белоснежных одеждах, который излечил святого от недуга, из-за которого тот не мог ходить. Снова мир духовный проникает в бренный мир.

Если святому или просто благочестивому человеку являлась умершая душа или святой, то

такие образы обычно также сопровождались ярким божественным светом. Так, например, кончину Эдильбурги, аббатисы монастыря в месте Ибернекинг (современный монастырь Баркинг близ Лондона), предвидела другая монахиня, Тортгита. Беда описывает это видение как силуэт человека из яркого света, который возносился на небо на светящихся золотых нитях (Beda. HE. IV, 9). Спустя три года Эдильбурга также явилась Тортгите перед её кончиной, предсказав ей час смерти.

Итак, проанализировав описания видений, приведенных Бедой, мы можем определить, каким виделся потусторонний мир христианину раннего Средневековья. Образы Рая и преисподней формируются посредством ряда устойчивых концептов, понятных средневековому человеку и доступных его восприятию, в частности, связанных с органами чувств: зрением и слухом. К грешнику, находящемуся при смерти, могли явиться бесы, которые объясняли, что его ждет впереди и почему именно такой была воля Божья, а праведник мог увидеть благое знамение о его будущей судьбе. Нет четкой границы, которая отделяла бы потусторонний мир от мира реального, и поэтому обитатели иного мира могут вмешиваться в дела живущих, наставляя их или даря божественное знание. Потусторонний мир проникает в реальность, когда его обитатели оставляли настоящие шрамы на теле визионера, а представители бренного мира еще до перехода в Вечное царство могут посетить его преддверие. Рассказы о видениях сопровождались яркими антонимическими парами, которые усиливали контраст между миром вечного блаженства и адом. Благодаря таким рассказам читатель Беды должен был ощущать притягательность Рая и испытывать страх перед преисподней и постоянно помнить, что его посмертная судьба решается здесь и сейчас, а сам он находится под неусыпным взором Высшего Судии.

Примечания

1. В данной работе мы пользуемся латинским изданием «Церковной истории» Беды [2]. Мы также обращались к переводу «Церковной истории» на русский язык [3].

2. В разное время темой чудес занимались, в том числе, Ж. Ле Гофф [6], Н.Ю. Гвоздецкая [7; 8], Н. Грувс [9] и др.

Список литературы

1. Сухов А.А. Феномен визионерства: культурно-исторические основания и модификации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.

2. Venerabilis Baedae Historia ecclesiastica gentis Anglorum, Historia abbatum et Epistola ad Egbertum cum Epistola Bonifacii ad Cudberthum / Ed. by G.H. Moberly. Oxford: Clarendonian Press, 1881. xxviii, 442 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/historiaecclesia00bedeuoft> (дата обращения: 14.06.2020).

3. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англо / Пер. с лат. В.В. Эрлихмана. СПб.: Алетейя, 2001. 363 с.

4. Зверева В.В. «Новое солнце на Западе»: Беда Достопочтенный и его время. СПб.: Алетейя, 2008. 248 с.

5. Тузиков А.Ф. Проблема взаимосвязи религии и политики в «Церковной истории народа англо» Беды Достопочтенного: Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2006. 155 с.

6. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого / Пер. с фр.; общ. ред. С.К. Цатуровой. М.: Прогресс, 2001. 440 с.

7. Гвоздецкая Н.Ю. Англосаксонская история в лицах и конфликтах. Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 2001. 303 с.

8. Гвоздецкая Н.Ю. Видения и визионеры в литературе раннесредневековой Англии и Исландии // CURSOR MUNDI: Человек Античности, Средневековья и Возрождения: научный альманах, посвященный проблемам исторической антропологии. Вып. 10. Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 2018. С. 72–92.

9. Groves N. The Life and Miracles of Saint Fursa the Pious. Norwich, 2003. 37 p.

10. Ярхо Б.И. Средневековые латинские видения // Восток–Запад: Исследования, переводы, публикации. Вып. 4. М.: Наука, 1989. С. 21–51.

11. Neiske F. Vision und Totengedenken // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 20. 2010. H. 1. S. 137–185.

12. Rowley Sh.M. The Role and Function of Otherworldly Visions in Bede's *Historia ecclesiastica gentis anglorum* // The World of Travellers: Exploration and Imagination / Ed. by K. Dekker, K. Olsen and T. Hofstra. Leuven: Peeters, 2009. P. 165–183.

13. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья / Пер. с фр. Е.С. Решетниковой. СПб.: Александрия, 2012. 448 с.

14. Мельникова Е.А. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М.: Мысль, 1987. 335 с.

THE PICTURE OF THE OTHER WORLD IN «HISTORIA ECCLESIASTICA GENTIS ANGLORUM» BY BEDA VENERABILIS

S.S. Golubeva

The article analyzes the common features in the ideas about the afterlife, which are reflected in the texts of visions of the 8th century. All the visions in these texts performed similar functions, and one can clearly trace in these visions stable concepts and images associated with the senses: vision, hearing and smell. We consider the question whether these concepts clearly relate either to the picture of Paradise or to the underworld, and recreate the picture of the other world in the minds of the 8th-century Christians.

Keywords: Historia ecclesiastica, Beda Venerabilis, other world, Anglo-Saxon culture, Christianity.

References

1. Suhov A.A. Fenomen vizionerstva: kul'turno-istoricheskie osnovaniya i modifikacii: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2008.

2. Venerabilis Baedae Historia ecclesiastica gentis Anglorum, Historia abbatum et Epistola ad Egbertum cum Epistola Bonifacii ad Cudberthum / Ed. by G.H. Moberly. Oxford: Clarendonian Press, 1881. xxviii, 442 p. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://archive.org/details/historiaecclesia00bedeuoft> (data obrashcheniya: 14.06.2020).

3. Beda Dostopochtennyj. Cerkovnaya istoriya naroda anglov / Per. s lat. V.V. Erlihmana. SPb.: Aleteja, 2001. 363 s.

4. Zvereva V.V. «Novoe solnce na Zapade»: Beda Dostopochtennyj i ego vremya. SPb.: Aleteja, 2008. 248 s.

5. Tuzikov A.F. Problema vzaimosvyazi religii i politiki v «Cerkovnoj istorii naroda anglov» Bedy Dostopochtennogo: Dis. ... kand. ist. nauk. N. Novgorod, 2006. 155 s.

6. Le Goff Zh. Srednevekovyj mir voobrazhaemogo / Per. s fr.; obshch. red. S.K. Caturovoj. M.: Progress, 2001. 440 s.

7. Gvozdeckaya N.Yu. Anglosaksonskaya istoriya v licah i konfliktah. Ivanovo: Izd-vo Ivanovskogo gos. un-ta, 2001. 303 s.

8. Gvozdeckaya N.Yu. Videniya i vizionery v literature rannesrednevekovoj Anglii i Islandii // CURSOR MUNDI: Chelovek Antichnosti, Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya: nauchnyj al'manah, posvyashchennyj problemam istoricheskoy antropologii. Vyp. 10. Ivanovo: Izd-vo Ivanovskogo gos. un-ta, 2018. S. 72–92.

9. Groves N. The Life and Miracles of Saint Fursa the Pious. Norwich, 2003. 37 p.

10. Yarho B.I. Srednevekovye latinskie videniya // Vostok–Zapad: Issledovaniya, perevody, publikacii. Vyp. 4. M.: Nauka, 1989. S. 21–51.

11. Neiske F. Vision und Totengedenken // Frühmittelalterliche Studien. Bd. 20. 2010. H. 1. S. 137–185.

12. Rowley Sh.M. The Role and Function of Otherworldly Visions in Bede's *Historia ecclesiastica gentis anglorum* // The World of Travellers: Exploration and Imagination / Ed. by K. Dekker, K. Olsen and T. Hofstra. Leuven: Peeters, 2009. P. 165–183.

13. Pasturo M. Simvolicheskaya istoriya evropejskogo srednevekov'ya / Per. s fr. E.S. Reshetnikovoj. SPb.: Aleksandriya, 2012. 448 s.

14. Mel'nikova E.A. Mech i lira. Anglosaksonskoe obshchestvo v istorii i epose. M.: Mysl', 1987. 335 s.